

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Татьяна Павловна Войтенко

*Кандидат психологических наук;
доцент Сретенской духовной академии;*

Институт психологии РАН (Россия)

tatianavoyt@rambler.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_4_170

Аннотация. В работе поднимается вопрос о важности включения темы смерти в систему воспитания ребенка, что является необходимым условием его духовно-нравственного становления, формирования ответственного отношения к жизни, обретения личностной зрелости. Вопрос об отношении ребенка к смерти рассматривается в культурно-исторической перспективе. Показывается, что в современном обществе тема смерти является табуированной по отношению к детской субкультуре, что приводит не только к многочисленным трудностям в случаях реального соприкосновения ребенка со смертью, но и оборачивается серьезными искажениями в представлении о мироустройстве, обесцениванием жизни и утратой ее смысловой основы. Раскрывается отношение к смерти в православной культурной традиции; обращается внимание на открытость темы смерти для духовного опыта ребенка начиная с самого раннего возраста.

Ключевые слова: смерть, жизнь, смысл, детская субкультура, воспитание, православная культурная традиция.

Для цитирования: *Войтенко Т. П.* Отношение к смерти как психолого-педагогическая проблема // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 4. С. 170–181. DOI: 10.55398/27826066_2022_4_170

ATTITUDE TO DEATH AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

Tatyana Pavlovna Voitenko

PhD in Psychology, Associate Professor of the Sretensky Theological Academy;

Associate Rresearcher of the Institute Psychology RAS (Russia)

tatianavoyt@rambler.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_4_170

Abstract. The paper raises the question of the importance of including the topic of death in the child's upbringing system, which is a necessary condition for his spiritual and moral formation, the formation of a responsible attitude to life, and the acquisition of personal maturity. The question of the child's attitude to death is considered in a cultural and historical perspective. It is shown that in modern society the topic of death is taboo in relation to the children's subculture, which leads not only to numerous difficulties in cases of a child's real contact with death, but also turns into serious distortions in the idea of the world order, devaluation of life and loss of its semantic basis. The attitude to death in the Orthodox cultural tradition is revealed; attention is drawn to the openness of the topic of death to the spiritual experience of a child, starting from an early age.

Keywords: death, life, meaning, children's subculture, upbringing, Orthodox cultural tradition.

For citation: *Voitenko T. P. Attitude to death as a psychological and pedagogical problem // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2022. No 4. Pp. 170–181. DOI: 10.55398/27826066_2022_4_170*

В современном обществе тема смерти является избегаемой, «неудобной». Люди стараются о ней не думать, а если приходится невольно сталкиваться — то побыстрее забыть.

Тема смерти долгое время была табуирована и в науке, особенно отечественной. В советский период считалось, что изучение вопросов, связанных со смертью, является неконструктивным, уводящим от актуальных жиз-

ненных задач. Тем не менее такие философы, как М. М. Бахтин, В. С. Библер, Н. Н. Трубников, И. Т. Фролов, С. В. Рязанцев, в своих трудах (вопреки бытовавшему в те годы мнению) доказывали неразрывность смерти с жизнью, смыслообразующую функцию смерти по отношению к жизни.

Сегодня танатологическая проблематика исследуется в разных науках. Довольно активно она разрабатывается в прикладных отраслях науки психологии. Учеными исследуются отношение к смерти и ее личностное восприятие, особенности переживания горя и утраты, танатические тревоги, модели управления страхом смерти и т. д. Высокая актуальность таких исследований обуславливается неготовностью современного человека к встрече со смертью, что порождает не только личные трудности (панический страх собственной смерти, неспособность оказать помощь умирающему, неумение поддержать человека в ситуации горя и т. п.), но и социальные проблемы (отмечается рост суицидального поведения и непосредственно суицидов).

Особое место в ряду прикладных психологических исследований занимает вопрос об оказании психологической помощи детям, впервые соприкоснувшимся со смертью, — когда она неожиданно становится реальностью собственной жизни или жизни родных. Как сообщить ребенку о смерти близких? Как помочь ему пережить утрату и горе? Эти вопросы для современных взрослых (не только родителей, но и специалистов — психологов, врачей, социальных работников) имеют характер сложнейшей задачи. В современном обществе считается неуместным участие детей в похоронном ритуале, в процессе утешения и скорби. В западно-европейской и американской литературе имеется целый ряд руководств по вопросам, связанным с переживанием и осмыслением ребенком смерти [Christ et al. 1991; Kubler-Ross 1997; Papadatos 2013]. В русскоязычной психологической литературе таких руководств практически нет; вопрос об их разработке ставится как крайне актуальный [Маликова и др. 2018: 111–117].

Основной посылкой всех отмеченных исследований и планируемых разработок является представление о травматизме темы смерти и опыта столкновения со смертью для психики ребенка. Исследования показывают, что у современных детей часто отмечаются болезненные реакции на смерть близких, возникают невротические и психотические нарушения [Там же]. Именно поэтому в современном обществе тема смерти является

табуированной по отношению к детской субкультуре. Ребенок не может открыто говорить о смерти, о своем внутреннем чувствовании этой проблемы — взрослые всеми способами стараются «перевести разговор» на другую тему.

На наш взгляд, тема смерти как таковая не является остро травмирующей для детской психики. На это указывает целый ряд фактов из опыта жизни детей предшествующих поколений, воспитывавшихся в иных культурных традициях. «Хрупкость» психики современных детей обусловливается скорее особенностями текущей социокультурной ситуации. Поэтому вопрос об отношении детей к смерти, переживании горя и утраты видится важным ставить не столько в психологическом плане, сколько в **психолого-педагогическом**. В его решении заметное место должно принадлежать педагогике: отношение к смерти необходимо *воспитывать*, и начинать эту работу с детского возраста. Вопрос о смерти имеет мировоззренческий статус. Воспитание отношения к смерти является важным не только для конструктивного совладания с утратой и горем, но для наполнения жизни смыслом.

Предметом настоящей работы является тема смерти в жизненном пространстве детей в разные культурно-исторические периоды. Не претендуя на полноту раскрытия этого глубочайшего вопроса, приведем лишь небольшой ряд фактов, иллюстрирующих обсуждаемый предмет в контексте детства советской эпохи (первая половина XX в.) и православной культурной традиции.

Тема смерти невольно входила в повседневную жизнь людей первой половины XX в.: революции, войны, голод, эпидемии <...> Смерть была рядом, затрагивала самый близкий круг людей. Дети видели смерть каждый день и говорили об этом, изображали в рисунках, описывали в дневниках...

Дошедшие до нас документальные источники свидетельствуют, что смерть не была для детей травмирующим событием в том смысле, как это понимается в современном обществе. В фондах Государственного исторического музея хранятся детские рисунки времен революции: «Гражданская война в Москве», «Бои на Театральной площади», «У раскрытой братской могилы» и др. [Исторический музей 2017]. Всем известен «Дневник» Тани Савичевой, 11-летней школьницы из блокадного Ленинграда: девять страниц в записной книжке, в которых нет ни страха, ни отчаяния. Только краткая

констатация фактов смерти родных, с которыми она находилась рядом до самой последней минуты их жизни [Дневник Тани Савичевой 1941].

В Государственных и ведомственных региональных архивах также хранится немало источников, показывающих отношение к смерти у детей военного времени. Так, по материалам Государственного архива Калужской области подготовлен сборник документов «Война глазами детей» [Государственный архив 1993]. В этот сборник вошли фрагменты более 1,5 тысяч сочинений школьников г. Калуги (4–10 классы), написанные весной 1942 г. и тематически озаглавленные «Что я пережил во время немецкой оккупации». Тема смерти присутствует почти в каждом фрагменте: «немцы расстреливали раненых пленных», «добивали стариков-инвалидов», «вешали на городской площади партизан, обливая их тела бензином и поджигая» и т. п. Отметим, что дети не прятались по домам: «кое-как переспав ночь», они «шли осматривать город», **шли по следам смерти** и были ее **участливыми свидетелями**: сострадали умирающим, хоронили умерших...

Участливый отклик на смерть Другого оборачивался надежной защитой от «психологической травмы». В годы Великой Отечественной войны тысячи детей остались без родителей, но наука не зафиксировала у них психотических и невротических расстройств. Напротив, о «детях войны» мы говорим как о «поколении Победителей»: они сумели не только в кратчайшие сроки восстановить хозяйственно-бытовую жизнь в стране, но и решить уникальные научно-технические проблемы, связанные с освоением космоса и земных недр, внести выдающийся вклад в развитие искусства и достижения спорта! Они умели от души веселиться: петь, танцевать, шутить. И дерзко говорили о себе, что «жили, смерти не боясь».

В православной культурной традиции, определявшей душевную строй русского человека на протяжении многих веков, бесстрашного и дерзкого отношения к смерти не было. Танатические страхи присутствовали, но это были не животные страхи физической смерти, а совершенно иные — связанные с личной ответственностью перед Богом за прожитую жизнь. Формирование такой ответственности являлось предметом целенаправленного воспитания: «Во всех делах твоих помни о конце твоём...» (Сир. 7, 39).

Тема смерти в духовно-душевном опыте ребенка появлялась очень рано, с первых дней жизни. Обычно почти сразу после рождения совершалось таинство Крещения — самый главный акт духовной жизни ребен-

ка, в котором тема смерти является центральной. В напоминание об этом при совершении таинств Крещения и Миропомазания читается отрывок из Послания к Римлянам апостола Павла: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? <...> мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть *соединены и подобием воскресения*» (Рим. 6, 3–5).

С темой смерти маленький ребенок соприкасался и через материнский фольклор, и через народные сказки. Любимые герои русских народных сказок — падчерица (девочка, пережившая смерть матери) и богатырь, сражающийся «не на жизнь, а на смерть». В сказках часто встречаются не только символы погребального обряда, «того света» и ожидающих в нем испытаний, но и персонификации смерти — Баба Яга, Кощей Бессмертный, Смерть. Следует отметить, что современные обработки русских народных сказок заметно отличаются от аутентичных, собранных А. Н. Афанасьевым. В современных изданиях тема смерти заметно «сглаживается» редактором, а иногда и вовсе опускается из первоначального сюжета, меняя весь смысл. Научные исследования показывают выраженную доминантность этой темы и очень высокую частотность символики смерти в аутентичных народных сказках [Писаренко 2019: 247–253]. Сказка выступала одним из важнейших педагогических инструментов, определяющих базовое мировосприятие ребенка. Доминирующее значение темы смерти формировало у ребенка ощущение ее важности, побуждало к осмыслению.

Ключевую роль в воспитании правильного отношения к смерти играло религиозное образование. Фольклорные произведения, стихийный опыт ребенка, выводя тему смерти на важное место в мироощущении, тем не менее могли привести к ложным представлениям о ней. Религиозное образование направляло поток мироощущений ребенка в нужное русло. Литературные источники (В. И. Даль, И. С. Шмелев, В. А. Никифоров-Волгин и др.) свидетельствуют, что дети 6–7-летнего возраста соблюдали Великий пост, сопереживая крестным страданиям и смерти Иисуса Христа, читали Родительские субботы, участвовали в похоронных обрядах. Сюжеты Ветхого и Нового Заветов раскрывались перед ними не просто как занимательные истории из прошлого, но как смысловые опоры для настоящей жизни.

Суеверия, связанные со смертью, и животные страхи смерти рассматривались как следствия пробелов в религиозном образовании детей и становились первоочередной педагогической задачей для мудрого взрослого. Остановимся на этом моменте более подробно, он является для нас принципиальным. Вот как повествует В. И. Даль об исправлении ложного отношения к смерти в рассказе «Личинка и мотылек» из цикла «Картины быта русских детей» [Даль 2008: 61–68].

Бабушка приезжает в семью своей племянницы, где умирает ребенок, маленькая Лили. Другие дети (в возрасте от 3 до 12 лет) очень встревожены происходящим, напуганы суевериями гувернантки и, чувствуя в бабушке опору, невольно тянутся к ней. «Бабушка, ты не боишься мертвых?» — со страхом спрашивает 6-летний внук. «Нет, мой друг, — спокойно и решительно отвечает старушка, не боюсь!» Желая подчеркнуть полную неуместность страха по отношению к мертвым, в том числе у детей, она продолжает: «Когда отец твой был маленький, как ты, то учил глупых деревенских мальчишек не бояться ни мертвых, ни могил» [Даль 2008: 62].

Пытаясь прояснить для себя это новое отношение к смерти, одна из внучек, «глядя прямо в глаза», уточняет: «Ты ничего не боишься, бабушка?» И изумленные дети слышат ответ: «Как, дружок, ничего! Я очень много боюсь! Я боюсь прогневить Бога, т. е. не послушаться Его заповедей; я боюсь обидеть или огорчить кого-нибудь; я боюсь не слушаться царя и его законов; ну, еще боюсь всего вредного мне или другим; боюсь ядовитой змеи, боюсь вредного кушанья...» [Там же: 63].

Бабушка выходит на прямой разговор с внуками о смерти: «Да вот что, дети, знаете ли вы, что такое умирать?» Сожалея, что ее внуки «очень запущены в понятиях веры», что «Священную историю они читали как всякий другой рассказ или как волшебную сказку», она прибегает к простым житейским объяснениям: «Умирать значит перестать жить на земле, а начать жить на небе. Когда Господу угодно человека взять к Себе, тогда человек или душа сбрасывает одежду, т. е. тело <...> Душа бросает тело, как вы сбрасываете с себя платья. Снятые платья и башмаки не ходят без вас и не шевелятся <...> Точно так же тело, оставленное душою, не ходит и не шевелится, а лежит, как пустая личинка» [Там же: 64].

Бабушке важно показать детям связь жизни и смерти, приоткрыть тайну жизни, — и она спрашивает: «Кто из вас видел, как вылетает ба-

бочка из личинки своей? Кто же бы подумал, глядя на личинку, что в ней растет такая красивая бабочка? Она покидает личинку, как душа тело...» [Там же].

Мудрой бабушке удастся полностью переменить отношение к смерти у детей. Они не только перестают бояться находиться в комнате рядом с умершей Лили, но и заботливо помогают убрать ее тело цветами, держат и гладят ее маленькую безжизненную ручку. И самое главное, начинают осознавать неразрывную связь между жизнью и смертью, улавливать новое мироощущение, выражая его вопросом: «Бабушка, когда я помру, то жива буду?» [Там же]. Бабушка решает вовсе не частную задачу преодоления у своих внуков страха смерти, но задачу «стратегическую»: **направления всей их жизни по правильному пути**. Она говорит своим внукам: «Лили теперь не с нами на земле, а в небе, у Бога, но она нас видит и слышит и любит больше прежнего; она будет радоваться каждый раз, как мы сделаем что-нибудь доброе: удержимся ли от вспышки гнева или лжи, поможем ли кому в труде, забудем ли чью обиду...» [Там же: 66]. За этими простыми словами бабушки слышится голос священномученика Киприана Карфагенского, поучавшего: «Бояться смерти может только тот, кто не хочет идти ко Христу», и далее: «В этом мире у нас непрерывная война <...> брань со сребролюбием, с распутством, с гневом, с тщеславием...» [Киприан Карфагенский 1999: 292–293].

Вернемся к современным детям — поколению цифровой эпохи. Что отличает его от других, провоцируя «хрупкость психики» и вызывая психологическую травму в случаях реального соприкосновения со смертью? Мир современного детства вовсе не закрыт от темы смерти. Он насыщен этой темой ничуть не меньше, чем у детей военного времени. Только смерть входит в опыт ребенка через виртуальное пространство: новостные сюжеты, развлекательные игры. Телевидение, интернет ежедневно сообщают об убийствах, техногенных и природных катастрофах, эпидемиях, авариях, вооруженных конфликтах <...> Цифровые технологии превращают сюжеты смерти в развлекательную игру, и ребенок по несколько часов ежедневно может заниматься убийством. Современный ребенок — так же, как и его сверстник военной эпохи, — ежедневно является свидетелем смерти, но при этом он лишен возможности быть деятельным, участливым свидетелем. В лучшем случае он остается пассивным наблюдателем, в худшем — становится действующим лицом, причиняющим смерть.

Ежедневно сталкиваясь со смертью, современные дети ничего не знают о ее нравственном и духовном смысле. Взрослые не задают им вопрос: «А знаете ли вы, дети, что такое умирать?» Взрослые не только не берут на себя инициативу в разговоре с детьми о смерти, но нередко и утаивают от них реальные события смерти близких родственников. Такое поведение свидетельствует о личностной незрелости самих взрослых, их духовной и душевной слабости. Исследования показывают, что взрослые сами испытывают множество нездоровых танатических страхов [Баканова 2014: № 6 (29); Юревич 2018: № 1. 123–132 и др.]. Уходя от обсуждения с детьми темы смерти, прикрываясь фразами о травматизме этой темы для детской психики, взрослые оберегают свой «душевный покой», не желают брать на себя труд разделить с ребенком его тревоги.

К сожалению, имеются основания для дальнейшего усугубления обсуждаемой проблемы. Нездоровые танатические страхи становятся предметом эксплуатации в цифровом бизнесе, предлагающем обрести «цифровое бессмертие». Современные IT-технологии позволяют создать имитацию социальной активности человека после его физической смерти. С помощью интерфейса социальных сетей и других сервисов человек может запланировать работу своего аккаунта на десятки лет вперед: его жизнь в виртуальном пространстве будет продолжаться и после физической смерти. А если воспользоваться искусственным интеллектом, то можно продлить свою цифровую жизнь еще более радикальным способом: воспроизвести облик, голос, интонацию речи — этому аватару можно будет позвонить, пообщаться по видеосвязи или в чате.

Как отмечают эксперты, такие проекты имеют коммерческий потенциал: нарастает количество приложений и сайтов, нацеленных на производство услуг цифрового бессмертия, создание аватаров и иллюзий общения за пределами жизни [Мороз 2020]. Цифровое бессмертие, стирая границы между жизнью и смертью, ведет к утрате смысловой основы жизни и ее полному обесцениванию...

Выводы

1. Анализ документальных источников, отражающих жизнь и быт детей прошлых поколений (воспитывавшихся в православной культурной традиции и в первые десятилетия советского времени), показывает, что

тема смерти не является для них травмирующей. В православной культурной традиции формирование у детей правильного отношения к смерти выступает важнейшей педагогической задачей.

2. Травмирующее действие темы смерти для современных детей обусловлено противоречием между перенасыщенностью их жизненного пространства виртуальными деструктивными образами смерти и табуированностью обсуждений вопросов о смерти со стороны взрослых.

3. Табуированность темы смерти по отношению к детской субкультуре проистекает из нездоровых танатических страхов взрослых. Прикрываясь представлением о травматизме для детской психики темы смерти, взрослые препятствуют детям узнать правду о жизни и смерти, сформировать ответственное отношение к жизни.

4. Серьезную угрозу дальнейшему искажению мировосприятия детей и взрослых представляет идея цифрового бессмертия, набирающая популярность в связи с ростом танатических тревог у современных людей.

5. Православная педагогическая традиция располагает огромными ресурсами и веками выверенным опытом формирования у детей и взрослых правильного отношения к смерти. Этот опыт видится необходимым методически обработать и активно использовать в современной практике работы воскресных школ, организации просветительских лекториев для родителей, а также психолого-педагогической подготовке будущих священнослужителей.

Трудный вопрос «Как сообщить ребенку о смерти, не причиняя психическую травму?» нужно снять другим: «Как говорить с детьми о смерти, наполняя жизнь смыслом?» Тема смерти — центральная в православной педагогической традиции — должна быть понята современными детьми и взрослыми как смысловая опора для настоящей жизни.

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : Изд-во Московской Патриархии, 2020. 1376 с.

Киприан Карфагенский, *сщмч.* Книга о смертности // Творения. Москва : Паломник, 1999. С. 292–306.

Литература

- Баканова А. А. Танатопсихология: современное состояние и основные направления исследований в России // Медицинская психология в России. Ярославль : Ярославский государственный медицинский университет. 2014. № 6 (29); Электронный ресурс. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
- Блокадный дневник Тани Савичевой. Электронный ресурс. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/090517/34476/> (дата обращения: 20.03.2022).
- Война глазами детей. Сборник документов. / Сост. Л. Г. Белковская, Н. В. Зиновкина, М. А. Зорина, Л. С. Корсунова, О. М. Петрова. Калуга, 1993. 159 с.
- Даль В. И. Личинка и мотылек // Глинские чтения, 2008 (март — апрель). С. 61–68.
- Коллекция детских рисунков времен революции. Электронный ресурс. URL: <https://66.ru/news/society/204609/> (дата обращения: 20.03.2022).
- Маликова Т. В., Новикова Т. О., Пирогов Д. Г. Переживание утраты детьми дошкольного возраста // Педиатр. 2018. Т. 9. № 6. С. 111–117.
- Мороз О. Прирученная смерть, или Цифровая загробная жизнь. Электронный ресурс. URL: <https://etika.nplus1.ru/death/soft> (дата обращения: 20.03.2022).
- Писаренко Д. А. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в русских народных сказках // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь. 2019. № 1. С. 247–253.
- Юревич А. В. Психологические аспекты отношения к смерти // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 123–132.
- Christ G.H., Siegel K., Mesagno F. P., Langosch D. A preventive intervention program for bereaved children: problems of implementation. // Orthopsychiatry. 1991. № 61 (2). P. 168–178.
- Kubler-Ross E. On Children and Death: How Children and Their Parents Can and Do Cope with Death. New York : Scribner, 1997.
- Papadatos C., Papadatou D. Children and Death. Abingdon : Taylor & Francis, 2013.

References

- Bakanova A. A. [Thanatopsychology: current state and main directions of research in Russia]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia]. Yaroslavl', Yaroslavskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet Publ., 2014, no. 6 (29). (In Russ.) Available at: <http://mprj.ru> (accessed 20.03.2022).
- Christ G.H., Siegel K., Mesagno F. P., Langosch D. A preventive intervention program for bereaved children: problems of implementation. *Am J Orthopsychiatry*, 1991, no. 61(2), pp. 168–178.
- Kubler-Ross E. *On Children and Death: How Children and Their Parents Can and Do Cope with Death*. New York, Scribner Publ., 1997.
- Malikova T. V., Novikova T. O., Pirogov D. G. [The experience of loss by pre-school children]. *Pediatr*, 2018, vol. 9, no. 6, pp. 111–117. (In Russ.)
- Moroz O. *Priruchennaya smert' ili tsifrovaya zagrobnaya zhizn'* [Tamed death or digital afterlife]. Available at: <https://etika.nplus1.ru/death/soft> (accessed 20.03.2022).
- Papadatos C., Papadatou D. *Children and Death*. Abingdon, Taylor & Francis Publ., 2013.
- Pisarenko D. A. [Linguosemiotic features of death signs in Russian folk tales]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 247–253. (In Russ.)
- Yurevich A. V. [Psychological aspects of attitude to death]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2018, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.)